

великий подвиг будет жить!

МНЕ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ пришлось командовать отдельным артиллерийским дивизионом. Стояли мы на ответных позициях в 15 километрах южнее города Ломжа в Западной Белоруссии. Дивизион поддерживал пограничников.

Утром 22 июня 1941 года на участок отряда и его пограничных застав наступала полностью укомплектованная дивизия фашистской армии. После двухчасовой артиллерийской и авиационной подготовки, немецкая пехота при поддержке танков и бронемашин перешла в наступление. Завязалась ожесточенная битва, битва не на жизни, а на смерти.

Наши солдаты и офицеры проявили в этом бою небывалый героизм и отвагу. Со связками гранат, бутылками с горючей жидкостью многие из них бросались под танки, заранее зная, что идут на верную смерть.

Первая ожесточенная атака немцев была отбита с большими для них потерями: дотерали шесть танков и восемь броневиков, на поле лежали сотни трупов.

После очередной атаки наши разведчики привели ко мне на наблюдательный пункт офицера в звании гауптштурмфюрера. Эсэсовец Рудольф Борман был настоящим фашистом-фанатиком. Кроме своего фюрера ничего не знал и знать не хотел. Все повторял: «России капут, вы все будете уничтожены и Россия будет наша». С каким презрением смотрел на нас этот «сверхчеловек», обзаванный гитлеровской пропагандой.

Надо сказать, что командование врага в первые дни войны не слишком доверяло армейским частям. За ними в тылдок следовали эсэсовские подразделения, под дулом автоматов принуждая солдат идти в атаку. Этот офицер был из них.

Целый день отбивая атаки немцев, наносим им большие потери и теряя людей, мы к концу первого дня войны были вынуждены отойти. Взять пленного с собой не могли, и я приказал расстрелять его. Когда об этом сообщили ему, он

все еще хорохорился, все пытался показать свое превосходство. И только поняв, что с ним не шутят, упал на колени, вымаливая себе жизнь на любых условиях.

Последнее пришлось мне встретиться и с другими офицерами неприятельской армии.

Командир артиллерийского полка, участвовал в операции по освобождению

САМИ ЛЕГЛИ НА ЗЕМЛЮ

Смоленска. Там был пленен некий обер-лейтенант. Шел 1943 год, до этого был Московский и Сталинградский битвы. Фридрих Рейнгард смотрел на вещи трезвее, он охотно давал показания, называл номера воинских частей. Чувствовалось, что Красная Армия основательно поколебала его уверенность в непобедимости. Он и ему подобные забыли о «жизненном пространстве», о походе на восток. Думали только о том, как спасти свою шкуру.

Разговаривая с этим фашистом, я чувствовал великую гордость за нашу Родину, за наш советский народ и за его Вооруженные Силы.

В знаменитой операции «Багратион» был я в составе 39-й армии 3-го Белорусского фронта. Участвовал в прорыве обороны противника в десяти километрах южнее Витебска. По приказу командира корпуса сопровождал несколько сот офицеров с места пленения до штаба корпуса. Тогда-то мне пришлось побеседовать с командиром артиллерийского полка 5-й авиадесантной дивизии немцев. К сожалению, в своем дневнике фамилию этого полковника не записал. Шел тогда июль 1944 года.

Я спросил: «Где ваш полк?». Он заплакал и говорит: «Разбит». Этот че-

ловек офицером участвовал в первой империалистической войне, был у нас в плену, прекрасно знает русский язык. Оказывался, когда они отступали из Витебска, полк разобили наши штурмовики, и вся техника была уничтожена. Задал другой вопрос: «Вы верите своему фюреру и в победу Германии?». Он твердо ответил: «Нет!». Спрашиваю: «Когда же вы начали так думать?». Ответил: «После Сталинграда».

Я привел три примера из разных периодов войны, рассказал о трех офицерах. Первый был фашистом-фанатиком, последний, боясь возмездия за совершенные злодеяния против советского народа, чувствуя неминуемую гибель фашистского рейха, смотрели на вещи реально.

Когда-то Фридрих второй говорил: «Русского надо не только убить, его надо мертвого свалить на землю». Фашисты следовали этому правилу, но сами легли на землю.

Советский народ, строящий коммунизм, никому не удастся победить. Пусть помнят об этом те, кто пытается идти по стопам Гитлера.

И. ЕФИМОВ, председатель городского совета ветеранов войны. На снимке: И. Е. Ефимов.

В НЕБОЛЬШОМ ДОМИКЕ, в котором размещался контора Второго Северного рудника, стоящем на западном борту карьера, уже собралось около двух десятков комсомольцев. Но собрание не началось. Ожидали комсомольцев — паровозников и экскаваторщиков, передающих смену. Неблизко от паровозного депо, от шахт № 12 и 13 до конторы, да еще надо идти после двенадцатичасовой работы.

В ожидании товарищей юноши и девушки вели между собой разговор о тяжелых сражениях на фронтах. Но вот и подошли все. Пора начинать. В тот день шло бурное обсуждение недостатков в электроснабжении, несвоевременной доставки воды к буретанкам, к экскаватору, неадекватного отношения некоторых рабочих к оборудованию, нарушения трудовой дисциплины. Потом обсуждали подготовку праздничного вечера в подшефном интернате, проведение ударных декад в честь Первомайского праздника.

В разгар собрания открылась дверь: «Разрешите?». Все смолкло, глядя на осунувшего от бессонных ночей, почерневшее лицо начальника рудника Пальчуна.

«Продолжайте. Я слушаю», — сказал он и присел на табуретку возле двери. Выступают Алексей Ткаченко, Михаил Конов, Иван Дворцов, Геннадий Урушев, Полина Желенцова, Иван Хоменко.

«Разрешите мне слово», — просит П. М. Пальчун. Я понимаю ваши тревоги за судьбу выполнения предмайских обязательств. Все, что возможно, что от нас зависит, — сделаем. Постараемся обеспечить бесперебойную подачу по-

рожняка, нормальную работу оборудования, инструмента... Окажем помощь в организации новых комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Трудности и недостатки мы можем и обязаны преодолеть. Заводы от нас ждут больше руды: для фронта нужны самолеты, танки... Мы можем дать ее, а сейчас у меня к вам, комсомольцам, большая просьба, неотложная. Паводковые воды хлынули по железнодорожному пути в карьер. Может

● ТЫЛ — ФРОНТУ

ПОЕЗДА

НЕ ОСТАНОВИЛИСЬ

произошла авария. Людей нет. Дневная смена ушла по домам. Нужно шесть человек для откачки воды пожарным насосом. Надо до утра продергаться, не дать воде размыться и прорваться в карьер. Знаю, что вы отстояли по 12 часов, а завтра от работы освободить не могу, так что, ребята, очень нужно остаться...

Желающих было много, но работающих на паровозах, экскаваторах, электрослесарях, шахтерах оставаться не разрешили, так как с утра им нужно было заступать на работу отдохнувшими.

На этом собрании закончилось. Шесть добровольцев получили талоны на ужин. Из столовой направились в карьер. Грузные составы медленно шли на подъем, разрезая колесами воду.

С одиннадцати часов вечера до восьми утра, не ос-

таиваясь, работал насос. И вот показались головки рельсов, а потом и шпалы. Утирая с лица пот, Полина Желенцова, Зоя Филатова, Алевтина Русина, Анна Богатова, Георгий Шевелев продолжали качать воду. Паровоз непрерывно, один за другим, натужно отдуваясь, тащил в гору за собой груженные породой составы, а пороженные легко спускались в карьер, притормаживая и давая гудки, как бы предупреждая экскаваторные бригады: «Готовься к погрузке!».

В течение ночи Петр Матвеевич не раз приходил к комсомольцам и подбадривал их добрым словом, а утром 11 апреля

1943 года в конторе был вынесен приказ № 27. За предотвращение аварии боевой шестерке объявлена благодарность.

Поезда не останавливались! Мы были очень рады этой победе над стихией.

Сейчас, спустя более 30 лет, листая маленький дневник комсомольской организации Второго Северного рудника, я вспоминаю дни самоотверженного труда комсомольско-молодежных фронтовых экскаваторных и паровозных бригад комсомольско-молодежной шахты № 12, которые не раз держали первенство и поощрялись дирекцией СУБРА, Карпинским горкомом ВЛКСМ. Молодежь трудились под девизом: «Все для фронта все для победы!».

А. ПАВЛОВ, бывший секретарь комсомольской организации Второго Северного рудника.

Н А ФРОНТ Иван Михайлович Коптыков уходил в июне 1941-го. В памяти у пятилетней Ангелины остались только большие ласковые руки и добрая его улыбка. Она еще не понимала всей жестокости страшного слова «война» и вместе с мамой, Александрой Терентьевой, и четырьмя сестра-

ЧЕРЕЗ ГОДЫ

ми все ждала, ждала отца. А он не вернулся. Летом 1943 года почтальон принес в дом конверт с прямоугольным листочком бумаги: «Пад смертью храбрых в боях за свободу и независимость...» Слово окamenело от горя лицо матери, страшно закричала старшая сестра.

О последних днях, о гибели сержанта Коптыкова узнали они из письма его фронтового друга. До сих пор хранится в доме старшей из сестер, Елизаветы, этот солдатский треугольник. Там же находится дорогая для их семьи посмертная награда отца: орден Великой Отечественной войны.

Одного не смогли узнать жена и дочери Ивана Михайловича Коптыкова: где похоронен он, этот сильный и добрый человек. И вдруг...

«Дорогая Александра Терентьевна! Пишет Вам унаследовавшая 4-й класс средней школы № 1 города Белгорода. Мы хотим рассказать, как чтят пионеры нашего города погибших в годы войны...»

Несколько лет мы ухаживали за братской могилой, в которой был похоронен Ваш муж Иван Михайлович. Недавно останки героев перенесли в другую братскую могилу, что находится на перекрестке дорог

на города Корочу и Шебекино. Там будет возведен мемориальный комплекс в честь героев войны. Сейчас за могилой ухаживают пионеры школы № 15.

Очень просим Вас написать нам об Иване Михайловиче. Мы приглашаем Вас побывать в нашем городе.

Отряд имени Сергея Трунина».

Письмо это отсылало Ангелину Иванову Коптыкову-Попову в Североуральск. Трудно передать, что испытала она, прочитав два десятка строк, выведенных старательной детской рукой. Через 32 года пионеры помогли отыскать могилу отца. Жаль только, никогда не узнает об этом мама; ее здоровье рано пошатнулось, непосильные утраты тех лет...

Недавно машинист рудопоезда шестнадцатой шахты Ангелина Ивановна Попова написала отчет белгородским пионерам. В нем слова благодарности за доброту и чуткость, за светлую память об отце. На этот раз ей не придется раздумывать над тем, где и как провести отпуск. Маршрут известен уже сейчас: Белгород, мемориальный комплекс.

И. ИВАНОВА, старший инженер-нормировщик ЖХК СУБРА.

Презрев смерть

У нашего поколения, комсомольцев сороковых годов, не было выбора между жизнью и смертью. Жизнь — значит воюешь, а всякий бой без сожаления обрывал чью-то жизнь. Да и время на войне имело особый счет. За один час солдат мог постареть на двадцать лет, а секунда промедления нередко стоила жизни. Но никогда я не представлял, что через тридцать с лишним лет получу письмо «с того света». Фронтового друга, с которым измерил тысячи километров военных дорог, прошел из под Ясс до Праги, я считал погибшим. А он — Георгий Николаевич Бичерахов — оказывается, здравствует и живет в поселке Калья.

Годы вяли свое. Он уже дважды дедушка, отец большого семейства, как и я — инвалид войны. Но для меня он остается все тем же Жорой Бичераховым. ...В состав Второго Украинского фронта, командовал которым маршал Малиновский, мы влились в июле сорок четвертого, до начала разгрома немцев под Яссами. Вместе с ним прошагали через Европу.

Два раза в жизни такое не бывает. Каждому поколению достаются свои роковые годы испытаний, озаряемые самым ярким пламенем эпохи. Наша неповторимая юность и зрелость были отданы борьбе с фашизмом, а в этой борьбе, в основном, была повседневная тяжелая работа, детали которой трудно запомнить и о которых почти ничего не писалось в штабах доносчиков. Работу эту делали рядовые люди. И надо, чтобы их имена знала и помнила вся молодежь, потому и пишу о нашем земляке, моем дорогом друге Георгии Бичерахове.

Д. ФЕДОСЕЕВ, бывший командир взвода. Архангельская область.

На снимке: начальник автоколонны № 4 девятой автобазы коммунист П. И. МАЛЫШЕВ, награжденный за отвагу и мужество, проявленные в боях за Родину, орденом Красной Звезды и несколькими медалями.